

МАРАТ ШАФИЕВ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БАКИНСКОЙ ПОЭЗИИ

«И всё же мне удел завидный дан...»

Подросток, выскочив на зимнюю улицу в белорусском посёлке Кубличи, угодил под тяжёлые сани, и ему отпилили правую ногу до колена. Во время погрома убили отца, и в 1928 году мама вывезла его с младшей сестрёнкой в Баку. Была ещё и старшая сестра, но Фаина жила в Ленинграде и погибла позже от голода в блокаде... Страшная участь ожидала и жителей Кубличей.

Из материалов Чрезвычайной комиссии о злодеяниях немцев на территории Ушачского района (Госархив Российской Федерации, ф. 7021, опись 92, лист 229): «В декабре 1941 года было привезено из местечка Кубличи, Бобыничи и Усы еврейское население... 12 января 1942 года из лагеря всех евреев ...под конвоем погнали по Долецкой улице на русское кладбище. За кладбищем заранее были выкопаны две большие ямы ... немецкие палачи заставляли раздеваться людей до нижнего белья. Заставляли ложиться в ряд на дно ямы, после чего расстреливали. Маленьких детей штыками прокалывали и бросали в яму. Так, с 10 утра до 4 часов вечера, были расстреляны свыше 900 граждан. Заполнив две ямы трупами, ямы закопали».

Если в начале двадцатого века население Кубличи составляло 1800 человек, свыше 1600 – евреи, то после войны евреев не осталось. «Я мёртв. Землёй меня еле присыпали./ Я лежу под талой водой во рву», – об этой трагедии Абрам Плавник ещё напишет в своей поэме «Двойник».

До совершеннолетия **Абрам Львович Плавник** (родился 1 августа 1916 года) воспитывался в детском доме, затем заведовал школьной библиотекой, работал в газете «Бакинский рабочий», заочно учился в педагогическом институте. Ещё до войны началась его профессиональная литературная деятельность. С 1939 года он член Союза писателей СССР. Помимо написания собственных книг: «Товарищ уходит на фронт» (1942), «Ветер с Востока» (1944), «Лист на камне» (1947), «Город моей судьбы» (1949), «Стихи» (1950), «Мирный день» (1952), «Мои знакомые» (1954), «Журавли над бухтой» (Москва, издательство Советский писатель, тираж 25 000, 1961), «Совесь» (1964), «Испытание на разрыв» (1966), «Добрые люди» (1977), «Сочувствие» (1979), он переводит средневековых азербайджанских классиков: Низами, Насими, Натаван, Сеид-Азима Ширвани, народный эпос «Кёроглу», Касумбека Закира, а также своих современников: Самеда Вургуня, Мамеда Рагима, Сулеймана Русама, Расула Рза, Габиля и других, составляет альманахи «Поэты Южного Азербайджана», «Песни труда и мира», «Голоса молодых», «Поэтический венок».

В конце войны соседями по коммуналке на улице Димитрова оказались Паукеры. Главе семьи – Владимиру Александровичу – посвящено стихотворение «Портрет»: «Когда ещё соседи спят,/ Пешочком по привычке,/ Шагает старый фтизиатр/ С портфелем к электричке...» Фтизиатр, кто не знает – это врач, лечащий туберкулёз. И уж не сострадание ли к соседу, желание помочь определило будущую профессию подростка Саши Паукера – ортопеда-травматолога?

На новое местожительство (Дом писателей на улице Узеира Гаджибекова, напротив Дома Советов) тоже переехали вместе, теперь Плавник и Паукеры – соседи по подъезду: вместе вечеряли, справляли праздники.

Да, Плавник умел дружить. Он и Иосиф Оратовский в 50-60-е годы определяли всю литературную атмосферу русскоязычной бакинской поэзии. Это была странная пара: инвалид детства, бобыль, взрывчатый и голосистый Плавник и герой войны, семьянин, философски-спокойный и малоразговорчивый Оратовский. Не сколько работа (в журнале «Литературный Азербайджан» Оратовский был ответственным секретарём, а Плавник руководил отделом поэзии; в Союзе писателей они вели совместно по четвергам поэтические собрания) – подобные противоречия могла примирить и сплавить только стихия поэзии: «Я трудно жил./ Я знал беду большую./ И всё же мне/ удел завидный дан:/ Над скромною душой моей/ бушует/ Великой русской речи/ Океан...» И через три года после смерти Оратовского, Плавник пробил издание «Избранного» своего друга, сам выбрал стихи и написал предисловие.

Заядлый курильщик Плавник дымил беспрестанно: папиросы или даже гаванские сигары – лёгкие стали ни к чёрту...

5 октября 1979 года, возвращаясь с Еврейского кладбища, толпа редела, разбилась на кучки. Один из членов редколлегии «Литературного Азербайджана» вдруг сказал: «По правде говоря, покойный был поэтом средней руки, и стихи его обречены на забвение». Говорил, больше обращаясь к Мансуру Векилову, вероятно, предполагая найти в нём союзника. Мансур как никто другой разбирался в стихах, но тогда он промолчал. А наутро пришёл в редакцию с новым стихотворением:

«Хоронили Плавника/ Гроб качался плавненько/ На шести плечах./ Как на костылях./ Он опоры лишней/ Не имел при жизни, –/ Нёс его талант/ На ноге единственной/ С костылем воинственным,/ Торс вперёд бросая./ Словно бы таран./ ...Голубел глазами,/ Хохотал над шуткою,/ Чётками бряцая./ Ещё вчера,/ А сегодня – музыка,/ Траурная музыка:/ Там... Там... – пора.../ Голова закинута/ К небесам,/ Ветерок последний/ Треплет волоса, –/ Там.../ Там.../ Там...»

Стихотворение, не неся в себе никакого категорического императива, в то же время было глубоко лиричным и человечным. Да и кто мы такие, чтобы судить? Что мы знаем о Высшем Предопределении? Да, в юности Плавник мог недрогнувшей рукой и с чистой совестью (он ли один?) написать нечто, более похожее на агитку: «И видит бездомный в Чикаго,/ И видит французский горняк –/ Советское светлое зданье,/ Счастливый семейный очаг!», но в зрелые годы произошло проникновение в другие глубины. Он сам отлично сознавал это различие: «Не верьте стихам ранним,/ Верьте стихам поздним.../ Поздние вам блеснут,/ Как луч на ветру морозном./ Поздние меньше лгут./ Верьте стихам поздним». В интерпретации Плавника проблема первых и последних звучит так: «Но счастье в том, что не по чьей-то воле,/ Не режиссёр, а жизнь в конце концов/ Перераспределяет наши роли,/ Заглавные, вторые, и без слов».

Архив Плавника хранится в московском ЦГАЛИ (Аз. ССР, ф. 397, 14 д., 1940 – 1970)

Абрам Плавник

Очередь военных лет

**Наши юные дочери,
Наши старые матери,
За картошкой в очередь
Становились вы затемно,**

**За селёдкой, за крупами,
В кацавейках коротких.
А над вами из рупора –
Военные сводки.**

**Ваши лица устали
И сосредоточены.
Огибая кварталы,
Ворочается
Очередь.**

**Жили вы, устроители
Скудного быта,
Без распределителей
И без лимита,
Не могли себя потчевать
Куском подороже.
И сжимается очередь,
Как шагренева кожа.**

**Вижу гордости меру
В морщинах у глаз...
Сколько горестной веры
И терпенья у вас!**

**То крича, то со вздохом,
Прислонившись к стене,
Вы стыдили пройдоху,
Получившего «вне».**

**Я и ныне встречаю
Представителей племени,
Что, других отстраняя,
Всё берут раньше времени.**

**Узнаю их по почерку,
По грошовой цене,
Нарушающих очередь,
Получающих «вне»...**

**Так встречай же с поклоном
Тех, кто сердцем не слеп,
Кто домой по талонам
Приносил тебе хлеб.**

Девушка с консервного завода

**Во дворе консервного завода
Пахнет рыбьим жиром, морем, йодом,
Пахнет жестью тонкой, серебристой,
У ограды рыбой пахнут листья.
Чешуей в траве сверкают блики.
Розы у завода пахнут килькой.**

***В цехе влажном, в едких клубках пара
Эту рыбу в бурых чанах варят,
Кипятят её нещадно в масле,
И ещё премудростей здесь масса.***

***А вблизи, за стенами завода –
Каспия чешуйчатые воды.
Ярки субтропические травы,
Венценосны гор талышских главы,
И от складов в мир бегут зелёный
Банками гружёные вагоны.***

***Девочка в отглаженном халате,
У тебя нелёгкая зарплата.
В воздухе, от испарений липком,
Года два не ела ты ни рыбки,
Года два руки движеньем мерным
Ты по кругу подаёшь консервы.***

***Из ворот выходит ежедневно
Рыбою пропахшая царевна,
Тонкая, в промасленном халате,
С серебром чешуйчатым во взгляде.***

***Строгая властительница рыбы,
Ты во сне услышишь шорох зыби,
Запахами роз пропахший ветер
И духи, тончайшие на свете.***

***И в окно тебе ударит ветка –
Ветка с ленкоранской этикетки...***

На его могилу не приносят цветов

Николай Борисович Хатунцев родился и умер в городе Баку (1932 – 2004).

Его отец прибыл из Саратова, откликнувшись на призыв: поднимать науку на былых царских окраинах. Дед – Николай Николаевич – действительный статский советник, некогда руководил строительством Китайско-Восточной железной дороги, а его потомки жили в доме, который находился в тупике улицы Красного Аскера: спаянные, как пчелиные соты, в одно целое «итальянские» дворники, над которыми, подобно дыму соседней городской бани, витал дух бакинского коллективизма.

Хатунцев учился в школе № 6 (1940 – 1950). Ещё в детстве он перечитал всё, что только возможно – мама заведовала библиотекой имени Короленко. В 1948 году победил в юношеском чемпионате города по шахматам и в составе сборной республики участвовал в командном чемпионате СССР, где, играя на первой доске, свёл вничью партии против будущего чемпиона мира Спасского и будущего гроссмейстера Лутикова.

Образование он получил юридическое, но в систему, где надо следовать специфическим правилам, молодой заместитель прокурора одного из районов не вписался и пришлось переквалифицироваться в литераторы: газета «Молодёжь Азербайджана», почти сорок лет (1965 – 2003) – главный редактор издательства «Элм» при Академии наук Азербайджана.

В 1980 году под влиянием старшей сестры увлёкся Живой этикой Рериха: *«Именно она со свойственными ей настойчивостью и энтузиазмом находила редкие книги, пожелтевшие дореволюционные издания, копии с копий, густо перепечатанные через один интервал на папирусной бумаге. А сколько вот таких копий напечатала она сама, полуслепая, часами сидя за своей допотопной машинкой!»*

О Елене – разговор отдельный. Школьная золотая медалистка заболела костным туберкулёзом, несколько лет провела в неподвижности, закованная в гипс; однако закончила с отличием заочно два института: филологический и иностранных языков. Выздоровев, преподавала русский язык в Ахундовском педагогическом, защитила кандидатскую, перевела с английского солидное по объёму «Посвящение» Элизабет Хейч, выдержавшее два издания в московском издательстве «Сфера» (1993, 1998). Елена и сама писала стихи, но исключительно духовного плана.

При газете «Вышка» Хатунцев вёл литературное объединение «Родник». Если прежний наставник Владимир Кафаров был аристократичен, порою едко-беспощаден, то Хатунцев, наоборот – мягок, терпелив, демократичен. Однажды меня попенял за рифму «порфира – квартира», говорил, что в данном контексте она искусственно сконструирована, а всякая рифма должна быть естественной, как дыхание. Ещё запомнилось: *«Первую книгу надо выпускать, когда твёрдо решил судьбу связать с литературой»* или: *«Таланта мало, нужна и толика удачи; но в поэзии даже графоман спасается одной бессмертной строчкой»*. С удовольствием вспоминаю те удивительные меджлисы! С распадом Империи расслоилось общество, кого здесь только не встречали: от увешанной золотом жены олигарха до горемыки (филолога-аспиранта), только вышедшего из психушки, в рубашке на голое тело, в тапочках на босу ногу. Но всё равно – единое цеховое содружество, и ценилось совсем другое богатство: золотые россыпи слов и души.

Прогрессирующее заболевание головного мозга привело к расстройству речи, неподвижности. Приходила к нему сиделка, навещали ученики, но после потери сестры, жены и сына не покидало ощущение его громадного одиночества. Смерть его сопровождалась некрасивой историей с делёжкой квартиры, пропажей архива. Он успел ещё сдать в типографию рукопись, но печатать её уже никто не желал. Тофик Агаев – друг с 60-летним стажем – забрал рукопись, на 16 лет она запропастилась, а потом прибилась ко мне, и я создал её электронную версию.

На могилу Хатунцева поставили простой камень, никто сюда не ходит. Все книги Хатунцева выходили в Баку: «Восхождение» (1978), «Связь времён» (1981), «Свет» (1984), «Донести огонь» (1987), «Единение» (1992), «Голоса» (1998), «Товарищ, верь!» (поэма, 1999), «Любимый портрет» (2000), «Смотрите вверх» (2001). Переводы Низами – более 50 газелей, рубаи, начальные главы поэмы «Лейла и Меджнун» – вошли в ряд академических изданий.

Николай Хатунцев

Баллада о солдате

***Я не был на войне. Я только слышал
О ней. Я видел взрывы лишь в кино.
Весь мир был домом с сорванной крышей,
И бомбы с визгом рвали полотно.***

***Составы брали с боем у перронов,
Гудела канонада вдалеке,
И девочка бросалась из вагона,
Зажав свои пожитки в узелке.***

***И видел я, раскрыв глаза сухие,
Как люди шли и падали в пыли,
Горели нивы добрые России,
До полустанков беженцы брели.***

***Как будто свет закрыла злая небель,
И вот – почти в беспамятстве, в бреду,
Под тёмно-серым закопчённым небом,
Мне кажется, что это я иду.***

***Что это я, контуженный в атаке,
Держусь за вбитый в бруствере костыль,
А из-за дыма наползают танки,
Чтоб мой окопчик разютюжить в пыль.***

***Мучительно закладывая уши,
Вспухают взрывы, недра шевеля,
И в ноздри набивается и душит
Горячая и едкая земля.***

***И через миг, вцепившись в ручки кресла,
Я примеряюсь, как взлетит в броске
Бутылка липкая с горючей смесью,
Расчётливо зажата в руке.***

Прощание с Капитаном

В Библии встречаем: время и место. В случае с Мансуром Векиловым удар был точечным. Чтобы быть редактором, мало самому прилично писать, в характере должна проявляться склонность к жертвенности (не от деда-врача ли, высасывающего туберкулёзные палочки через трубочку из лёгких больного?). Всё происходило на наших глазах: Мансур часами правил, чиркал, кроил – сколько метафор, образов, сравнений, которые могли бы украсить его стихи, он щедро раздарил чужим людям. «Я утонул в двадцатом веке», – с не меньшим основанием он мог сказать: я растворился в Журнале.

Аристократ по рождению и демократ по духу – в прежде элитный журнал, представленный лишь народными и заслуженными, он открыл дверь широким массам. Конечно, легче работать по крупным, легко осваиваемым месторождениям, но Мансур почему-то предпочёл перелопачивать тонны пустой породы в поисках одной золотинки. Энергоёмкое и затратное производство. В ущерб собственному здоровью, зрению, жизни.

Наверное, это войдёт в легенду. У одной бедной старушки из всего представленного огромного материала стихопрозы он выдернул по одной строчке, и все ахнули, кинулись поздравлять ошеломлённую старушку с успехом, заговорили о возрождении традиций Древнего Рима, не подозревая, что всё это не откровение автора, а проделки Редактора.

Но несмотря на открытость и кажущуюся мягкость, Мансур был принципиален в главном. При мне он отказал в публикации своему старинному другу, и поколебать, заболтать его было невозможно. Мансур был способен на поступок. В тревожный январь девяностого года, когда город заполнили беженцы, жаждущие мщения, он встал на их пути, не пропуская на пятый этаж здания, где по соседству с его кабинетом располагалась и редакция армянского журнала.

Он мог... Его однокашник Эмиль Агаев рассказывал, как юный Мансур прыгнул в море с высокой скалы. Но вот чему я свидетель: в сентябрьском холодном Бильгя я так и не решился вступить в беспокойное море. Каково же было моё удивление, когда встретил весёлого, уже успевшего ополоснуться шестидесяти восьмилетнего Мансура.

Я не говорю Мансур Фахриевич, хотя гожусь ему в сыновья, Мансур – это имя уже стало нарицательным, вне времени.

Но если о Мансуре, то, прежде всего, о Поэте. Чуткость к слову, звуку у него феноменальная, как у композитора. Мансур с лёгкостью находил фальшивую нотку даже в стихах мэтров; все местные авторы в первую очередь жаждали его признания. Публикация в журнале – как печать ОТК, стихотворение состоялось.

Однажды я принёс своё, заканчивающееся: «Завет Небесной выси и Земли». Он напечатал, но, в присущей ему манере, обрубив последнюю строфу. Урок этот пошёл мне впрок.

В его стихах всегда удивляла их изящная простота; с какой скупостью, без излишней высокопарности можно выразить самое важное. Поэтическое кредо, точно соответствующее характеру Мансура. Конечно, в Баку много крупных поэтов, но стихи Мансура узнавались – они были какими-то летучими, невесомыми, музыкальными, как пёрышко птицы. (Ко всему прочему, это и усвоение певучей интонации азербайджанской речи.) Недаром его стихи любят исполнять барды: Сергей Аранович, Ибрагим Имамалиев, Георгий Черногоров. А его песня к фильму по сценарию Рустама Ибрагимбекова «Перед закрытой дверью» 1981 года (композитор Эмин Сабитоглу, азербайджанский текст Фикрета Годжи) звучала во всех бакинских ресторанах.

Моё представление о Мансуре как об исключительном лирике впервые разрушило следующее стихотворение: *«В бреду, в поту/ не выговорят губы/ волшебных слов,/ язык, как жернов грубый,/ ворочается медленно во рту... Но лишь мучица бледная слетает/ и моментально тает/ на ветру./ Но есть во мне/ те самые слова! Они в глубинах подсознания зреют,/ нетронутые, стройно зеленеют,/ одни и те ж – / для мук и торжества. Для птицы и змеи,/ для недруга и друга,/ для эллипса, угольника и круга,/ для новорождённого/ и для старика, –/ одни и те ж,/ на вечные века./ Да, да, я знаю, слов подобных нет. Слова – лишь знаки,/ их обожествленье – / нетрезво и достойно осужденье. Я соглашаюсь с этим рассуждением. Но тайно верю, что они – / во мне».*

Человек блуждает в поисках Истины, тогда как Истина никогда не отходила от него, она и есть его внутреннее глубинное течение, сердце сердца. Эта мысль глубоко философская и даже более – мистическая. Был ли Мансур человеком религиозным? Вера и неверие, как и у всех нас, сшибались в бесконечной схватке. Но вот послушайте: *«Спаси меня/ И охрани/ От слабости и от испуга/ И взглядом,/ Слово стальной плуга,/ Как пласт земли – / Переверни!/ Пусть тёмное моё нутро,/ Блеснув освобождённой кровью,/ Вознаградит тебя/ Любовью/ За беспощадное добро».* Если местоимение «ты» написать с заглавной буквы, всё становится на свои места.

Понадобились стихи для альманаха о Великой Отечественной или Карабахской войне. Но таковые у него не обнаружились. Мансур был патриотом не меньше тех, кто громкогласно трубил на всех перекрёстках – чего стоит только одно его стихотворение «Азиз дияр»: *«Азербайджан!/ Купель огня,/ Гряда несокрушимых башен./ Я твой навеки,/ Ибо я/ Из праха твоего заквашен./ Во мне, как терпкое вино,/ Твой дух струится по излукам./ Возвысь, низвергни – всё равно!/ Лишь не казни меня разлукой».* (И подтвердил свою клятву делом, когда в начале девяностых журнал выходил раз в три-четыре месяца, и зарплата мизерная, он буквально остался единственным солдатом в продуваемом сквозняком кабинете, закутанный в пальто, как в солдатскую шинель, и со злостью говорил: буду и один выпускать журнал!) (*«Жаль, что на жизнь –/ На всю!/ Мне злости не хватает...»*)

Но в отличие от «заказных» виршеплётов, имеющих стихи на все случаи жизни, писал только то, что испытал сам, что стало памятью сердца – «*Но подумал: ведь ты там не был,/ Где ж ты будешь искать слова?*»

Как-то я вывел формулу: крупный поэт – это сбывшиеся пророчества.

«*Я слышу:/ Корни корчатся во мраке/ Врагами обескровленной земли./ Я вижу – маки,/ Огненные маки,/ Как капли крови,/ Над землёй взошли/ Под горькие напевы Физули...*» Казалось бы ничего необыкновенного, если не знать, что стихотворение «Мугам» написано ещё в светлом прошлом – в эпоху развитого социализма и дружбы народов, и город Физули не лежал в руинах. И тогда же напропорочил себе ноябрьские поминки: «*Птичий щебет в ноябре –/ Словно льдинки,/ Раскололась небесная синь.../ Заходи-ка, друг, ко мне/ На поминки*» и тишину «у бакинских Волчьих ворот».

Светлой памяти своего двоюродного брата Надира он посвятил «Ступени в рай»: «*Если меркнет свет в глазах,/ Значит, ждут на небесах –/ На земле темнеет./ Вот ступень,/ ещё ступень,/ А за нею – снова тень,/ И нога слабеет.../ Брат мой!/ Мой любимый брат!/ Если б выпало стократ/ Нам привольной жизни,/ Я б сильнее горевал,/ Я б к ней путь не затевал –/Кладбищу-отчизне./ Ты меня опередил:/ К ней тропинку проторил,/ Ну а там – просторно,/ Там лежат баба, няня,/ С ними – близкая родня:/ Ждут Святого Горна./ Рядом – Тот и Этот свет:/ Здесь – болезни,/ Там их нет./ Там... – Никто не знает,/ Что же Там? – И ты молчишь.../ Над стеклом могильных крыш/ Лишь звезда мерцает*». Чувствуете ли вы пронзительное предощущение Неотвратимого? На участке кладбища, где покоится род Векиловых, не осталось места, и самого Мансура положили поверх могилы Надира.

Однажды он сказал: «Два татарских Ахмата породили русскую поэзию: Ахматову и Ахмадулину». «Так и мой отец – Ахмед», – обрадовался я. «Не примазывайся».

Как Мансур относился к моим стихам? Не знаю. Печатал два раза в год – вот и оценка. Но однажды он позвонил Алине, члену редколлегии, и с воодушевлением прочёл мой «Целлофановый век». Да и себя Мансур поэтом называть стеснялся, так и написал: «*Ухватить бы за шиворот,/ И за стол усадить,/ И на долгую муку/ Себя осудить./ На великую муку –/ Сроком в тысячу лет, –/ Вот при этом,/ Может, стал бы поэтом!/ А может быть, нет...*»

О значительных людях любят рассказывать байки.

Как-то в два часа ночи Мансур явился к Максуду Ибрагимбекову, желая потрясти его новой поэмой. Но Максуд был настроен решительно: «Я знаю в городе только одного человека, способного в такое время понять тебя», и отослал беспокойного поэта к соседу по Дому писателей, живущему двумя этажами ниже. И пришлось уже Анару, как человеку деликатному, бодрствовать с Мансуром до рассвета.

Говорю Мансуру: поздравляю с новой рифмой к «люблю». Только что спели по радио: «*Может, я,/ может, ю,/ Может, я тебя люблю*».

Он ответил: я так давным-давно рифмовал. «*Точно так и музыка/ Слову не подвластна./ Просочится,/ Выскользнет/ В узенькое Ю./ И услышишь снова/ Только вой протяжный/ Вместо самой лучшей музыки:/ Лю-блю*».

Мансур Фахри оглу Векилов родился 7 сентября 1939 года в городе Баку.

В 1991 году возглавил «Литературный Азербайджан». А работать в журнале (младшим литсотрудником) начал с 1961 года, сразу же после окончания филфака Азербайджанского государственного университета. Но связь с Журналом более глубокая – первое стихотворение Мансура опубликовано именно в «ЛитАзе» (№8, 1959г.) Лауреат международной премии «Хумай», в 1999 году награждён юбилейной Пушкинской медалью. Кавалер ордена «Знак почёта», заслуженный деятель искусств Азербайджана. Книги: «Стихи» (1965), «Плеск весла» (1970), «Последнее признание» (1977), «Встречный выстрел» (1980), «Сегодня ещё не поздно» (1987), «Лирика», «Море моё» (2006), «Стихи разных лет и столетий» (2007).

31 декабря 2006 года я вижу во сне пишущего Мансура. Заглядываю через его плечо в бумажный лист: сплошные математические формулы. Утром осознаю: алгоритм поэзии! Сон ему нравится, в ответ делится сокровенным: «Пришёл умерший товарищ. – Как тебе удалось? Оттуда не возвращаются. – Потом расскажу». Этот сон я вставил в свой рассказ. Мансур прочёл, ухмыльнулся и напечатал.

Умер 21 октября 2008 года.

Начало октября 2008 года – у Мансура дома.

«Обещайте, – говорю я, – к семидесятилетию... такое интервью сварганим, утрём всем нос».

Перед тем как сказать, Мансур причмокивал губами, будто пробовал слова на вкус, поэтому паузы были длинными (только стихи писал стремительно). Но здесь пауза особенно затянулась. Наконец: «Поглядим». Теперь я понимаю это молчание, в уме он прикинул: стоит ли ему тянуть ещё год ради такого пустяка.

Мансур однажды с горечью признался, что был плохим сыном. Наверное, сознательное кельничество Мансура в последние годы жизни, отказ от любой помощи и было в его представлении искуплением той давней вины. Что меня поразило при последней с ним встрече (Союз писателей закрыли на ремонт, и он приглашал авторов с рукописями на дом; квартира в дальнем 4-ом микрорайоне выглядела на удивление бедно – «С прибыточною славою/ Мне в жизни не везло./ Но разве это главное? –/ И пусто – да светло!») – зачерствелый, покрывшийся плесенью хлеб. Нет, он не бедствовал (получал президентскую пенсию), холодильник был упакован по полному – имелся даже балык. Он просто не замечал: ел он сегодня или нет. Смотрел телевизор, не пропускал ни одного документального фильма. Но при всём этом кажущемся любопытстве к новой информации, интерес к жизни в нём иссяк.

Статья Алины, заканчивающаяся: «Прощайте, Мансур муаллим».

Анар знает нечто большее: «Прощай и здравствуй».

P. S. 28 февраля 2009: из его мраморного надгробия сделано десять чёрных блестящих отполированных пепельниц в виде черепа и вручаются на собрании писателям. Всё мимо и мимо. И вздох радости: последний экземпляр – мне. Дурацкий сон. Но хорошо бы, чтобы поэтическая Премия имени Мансура Векилова стала явью.

И мой запоздалый, увы, уже ненужный ему ответ:

«Как соберусь – так дождь, / грязь непролазная кладбища».

«А если нет, мне хватит и дождя», – сказал.

Ну вот он дождь. А нам тебя так не хватает.

У меня в руках раритет – тонюсенькая брошюрка 1965 года, несколько вытянутая по горизонтали (тираж 3000, цена 10 коп.) Первая его книга. Сразу натыкаюсь на стихотворение «Мой капитан». И здесь же поэма «Звёздные люди» (апрель 1961 года): «Как становятся капитанами,/ Как становятся великанами,/ Как становятся космонавтами –/ Разве знают об этом люди?» Значит, и я угадал с названием этой статьи.